

Памяти М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

(Опыт исторіографической характеристики.)

Михаилъ Флегонтовичъ Владимірекій-Будановъ оставилъ намъ богатое научно-литературное наслѣдіе, въ составъ котораго входятъ историко-юридическія монографіи, изданія историческихъ документовъ, комментаріи къ памятникамъ права и систематическій курсъ науки, надъ которой покойный работалъ всю жизнь, — пользующійся широкой и заслуженной извѣстностью его «Обзоръ исторіи русскаго права».

Наибольшее количество монографій М. Ф. посвящено исторіи литовско-русскаго права. Сюда относятся: его первый крупный печатный трудъ, — «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» («Ж. М. Н. Пр.» и отд. 1868 г.), и позднѣйшія изслѣдованія, — «Населеніе Юго-Западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка» (1886 г.), «Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV вѣка до Люблинской уніи» (1890 г.), «Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. Выпускъ I: Помѣстья Литовскаго государства (1889 г.). Выпускъ II: Черты семейнаго права XVI вѣка (1890 г.). Выпускъ III: Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до половины XVI вѣка» (1893 г.) и нѣсколько другихъ изслѣдованій и критическихъ этюдовъ, которыхъ мы не перечисляемъ, не имѣя вообще въ виду библиографической полноты и ограничиваясь указаніемъ только важнѣйшихъ произведеній. «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» представляетъ собою наиболее разностороннее и исчерпывающее по состоянію источниковъ во время его написанія изслѣдованіе устройства и управленія польскихъ и литовскихъ магдебургій. Историческія изысканія о населеніи юго-западной Руси имѣютъ болѣе мѣстное значеніе и ограничены документальнымъ матеріаломъ Кіевского архива. Областной характеръ и нѣкоторыя черты историко-юридической топографіи, если такъ можно выразиться, преимущественно Юго-Западнаго края, присущи въ извѣстной степени и «Очеркамъ изъ исторіи литовско-русскаго.

Д

1*

Yertu Riikliku

Arhiiv

442139

права». Общая постановка вопроса и принципиальная конструкція изслѣдуемаго института выдвигаются главнымъ образомъ въ «Помѣстьяхъ Литовскаго государства». Одноименность земельныхъ пожалованій въ Литовско-Русскомъ государствѣ при Казимирѣ IV съ помѣстьями Московскаго государства привели автора къ такой широкой, въ территоріальномъ и хронологическомъ отношеніяхъ, конструкціи помѣстнаго права, которая не признается въ наукѣ безспорной. Какіе бы, однако, споры ни порождались выводами и построениями М. Ф., и какому бы пересмотру они ни подлежали въ будущемъ, за М. Ф. остается и останется безспорная заслуга оригинальнаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ перваго изслѣдователя ряда вопросовъ по исторіи литовско-русскаго права. О проявленіи въ монографіяхъ М. Ф. глубокаго знанія источниковъ и выдающегося умѣнья извлекать изъ нихъ данныя и комбинировать послѣднія распространяться не будемъ ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ. У большого мастера своего дѣла, какимъ несомнѣнно былъ М. Ф., такія качества сами собой разумѣются.

Къ общей исторіи русскаго права относятся двѣ раннія монографіи М. Ф.: «Государство и народное образованіе съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ» («Ж. М. Н. Пр.», 1873—74 гг.) и «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка. Часть первая: система профессиональнаго образованія отъ Петра I до Екатерины II» (1874). Позднѣе М. Ф. не давалъ болѣе или менѣе крупныхъ монографій по общей исторіи русскаго права. Разработка послѣдней велась имъ примѣнительно къ составленію и послѣдовательному исполненію курса въ «Обзорѣ». Монографически М. Ф. высказывался въ критическихъ разборахъ специальныхъ работъ другихъ авторовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, относительно которыхъ М. Ф. учитывалъ объективные результаты чужихъ изысканій, приводилъ свои наблюденія и развивалъ собственные соображенія и взгляды. Небольшія, но въ высшей степени цѣнныя спеціальныя изслѣдованія были посвящены М. Ф. двумъ памятникамъ законодательнаго и общеправового творчества Московской Руси, — Уложенію царя Алексея Михайловича и Судебнику 1589 г. Тщательно изучивъ «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексея Михайловича» («Сборн. Госуд. Знаній», т. IV, 1877 г.), М. Ф. точно опредѣлилъ тѣ статьи Уложенія, источникомъ которыхъ были артикулы Статута, и указалъ путь, по которому шла рецепція литовскаго права въ московскихъ приказахъ. Высказанная М. Ф. по послѣднему вопросу гипотеза до сихъ поръ держится прочно и ждетъ архивныхъ изысканій, которыя бы окончательно утвердили ея историческую достовѣрность. Одно такое подтвер-

ждение мы получили на этих днях въ только что изданномъ И. И. Лапш «Литовскомъ Статутѣ въ московскомъ переводѣ-редакціи». Въ изслѣдованіи «Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники» (1902 г.) М. Ф. установилъ частное происхожденіе этого памятника права, территоріальные предѣлы его составленія и примѣненія, общественный классъ, къ которому принадлежалъ его составитель, и специфическій общественный уклонъ сразившагося въ немъ правового творчества. Всѣ эти выводы сдѣланы М. Ф. единственно на основаніи анализа самаго памятника путемъ тончайшаго и въ высшей степени вдумчиваго его толкованія и могли быть достигнуты, исключительно благодаря глубочайшему знанію юридической техники и сѣщіянаго языка московскаго законодательства. Въ этомъ отношеніи примѣнительно къ данному вопросу М. Ф. проявилъ большую историческую проникательность, чѣмъ знаменитый чтець московскихъ хартій В. О. Ключевскій, отзывъ котораго о Судебникѣ 1589 г. надо признать послѣ указаннаго изслѣдованія М. Ф. опровергнутымъ. Архивныя изысканія М. М. Богословскаго, почтеннаго историка той мѣстности, гдѣ сложился и примѣнялся Судебникъ 1589 г., даютъ важныя дополненія и, быть можетъ, даже поправки въ подробностяхъ, но въ общемъ блестяще подтверждаютъ основныя выводы и иструенія М. Ф.

Работы М. Ф. по изданію историческихъ документовъ связаны съ дѣятельностью по должности главнаго редактора Кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, которую занималъ покойный въ теченіе долгихъ лѣтъ. М. Ф. издавалъ главнымъ образомъ акты о заселеніи Юго-Западной Россіи, которые собиралъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами или же самостоятельно. Какъ ни почтенны заслуги М. Ф. въ дѣлѣ изданія архивныхъ матеріаловъ, онѣ блекнутъ передъ той крупной услугой дѣлу разработки и изученія исторіи русскаго права, которую оказалъ М. Ф. составленіемъ своей знаменитой «Христоматіи по исторіи русскаго права». Въ трехъ выпускахъ послѣдней прекрасно изданы и снабжены превосходнымъ комментариемъ важнѣйшіе памятники права и образцы юридическихъ актовъ, начиная съ договоровъ съ греками и кончая указанными книгами московскихъ приказовъ. «Христоматія» составлялась и была выпущена впервые въ свѣтъ въ первую половину семидесятихъ годовъ. Комментируя въ «Христоматіи» всѣ важнѣйшіе памятники нашего древняго права до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, М. Ф. долженъ былъ разобрать и учесть всю литературу предмета, высказаться по вопросамъ спорнымъ и дать отвѣтъ на тѣ вопросы, которые въ то время оставались еще совсѣмъ открытыми и почти безъ объясненія. Составленіе «Христоматіи» послужило для

самого М. Ф. основательнѣйшей и прекрасной подготовкой къ работѣ систематическаго курса исторіи русскаго права. Для другихъ ученыхъ «Христоматія» неизмѣнно служила надежнѣйшимъ справочникомъ и во многихъ случаяхъ цѣннымъ указателемъ тѣхъ сомнѣній и пробѣловъ въ пониманіи древняго права, которыя надлежало устранить и восполнить. Важнѣе всего, наконецъ, оказалось учебное значеніе «Христоматіи». Появленіе ея дало возможность учащимся подойти непосредственно къ важнѣйшимъ источникамъ древняго русскаго права и, слѣдовательно, предаться дѣйствительному и активному изученію предмета. Цѣлыя поколѣнія университетской молодежи знакомились по «Христоматіи» съ нашими древними юридическими памятниками, изучали ли они ихъ какъ историки, какъ филологи или какъ профессиональные юристы. Эту учебную функцію первостепенной важности «Христоматія» исполняетъ и въ настоящее время, и будетъ исполнять еще многіе годы. Пока въ нашей литературѣ не имѣется ничего равнаго ей, ни даже подобнаго. Всѣ три выпуска «Христоматіи» выдержали по нѣскольку изданій, въ которыхъ и текстъ, и комментарий, и литературныя указанія тщательно пересматривались, исправлялись и восполнялись составителемъ въ зависимости отъ послѣдовательныхъ успѣховъ археографіи и исторической науки. Новѣйшимъ является вышедшее въ 1915 г. пятое изданіе второго выпуска, въ которое включенъ текстъ Судебника 1589 г. съ соответственнымъ комментариемъ. Издательская и комментаторская опытность и извѣстность М. Ф. побудили П. Г. Виноградова пригласить М. Ф. къ совмѣстному редактированію «Сборника законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго права».

Въ 1886 г. М. Ф. выпустилъ въ свѣтъ свой «Обзоръ исторіи русскаго права», который сразу же сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ учебныхъ пособій и вслѣдствіе этого нѣсколько разъ переиздавался съ дополненіями, — послѣдній разъ при жизни автора вышелъ седьмымъ изданіемъ въ 1914 г. «Обзоръ» обнимаетъ исторію русскаго государственнаго, уголовнаго, гражданскаго права и процесса за всѣ три школьно различаемыхъ періода и является такимъ образомъ единственнымъ полнымъ курсомъ исторіи русскаго права. Въ этомъ отношеніи не могутъ съ нимъ конкурировать даже «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права» В. И. Сергѣевича изданія 1883 г., тѣмъ болѣе что въ окончательной отдѣлкѣ онѣ превратились въ «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права», въ которую не вошелъ періодъ имперіи. «Обзоръ» представляетъ собою оригинальный систематическій курсъ науки, въ которомъ весь матеріалъ самостоятельно переработанъ авторомъ, рас-

положенъ архитектурноически стройно и освѣщенъ съ точки зрѣнія единаго выдержаннаго воззрѣнія автора на историческій процессъ развитія русскаго права и государства. Въ «Обзорѣ» М. Ф. высказываетъ я по всѣмъ контраверзамъ и откликается на всѣ новѣйшія теченія въ русской историко-юридической наукѣ, при чемъ важнѣйшимъ и крупнѣйшимъ изъ тѣхъ и другихъ посвящаетъ спеціальныя «дополненія». Отъ этого «Обзорѣ» становится, можно сказать, полнымъ отраженіемъ современнаго состоянія науки исторіи русскаго права. Какъ учебное пособие, «Обзорѣ» обладаетъ большими дидактическими достоинствами, каковы — ясность изложенія и искусное пользованіе рубриками и подраздѣленіями, умѣло разсчитанное на то, чтобы останавливать вниманіе учащагося на существенныхъ отбѣнкахъ мысли или фазахъ развитія явленій.

Съ благодарностью и благоговѣніемъ взирая на богатое научное наслѣдіе, оставленное М. Ф., невольно испытываешь сожалѣніе и скорбь по поводу хотя и неизбежной, въ виду преклоннаго возраста покойнаго ученаго, но все же горестной и тяжелой утраты, которую съ его смертью понесла наука исторіи русскаго права. Если къ тому же вспомнить двѣ сравнительно недавнія кончины, — В. И. Сергѣевича и Ф. И. Леонтовича, — послѣдовавшія въ 1910 г., то придется съ грустью признать, что теперь, когда нѣтъ уже болѣе въ живыхъ и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, отошли отъ насъ въ вѣчность самые выдающіеся представители старѣйшаго для нашего времени поколѣнія историковъ русскаго права. Всѣ три названные ученые были главными строителями науки исторіи русскаго права въ періодъ ея фундаментальнаго, такъ сказать, созиданія, и образъ того изъ нихъ, кого мы схоронили послѣднимъ, выясняется лучше всего путемъ сопоставленія научныхъ заслугъ всѣхъ трехъ.

На протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій Сергѣевичъ и Владимірскаго-Будановъ были поистинѣ властителями думъ въ области исторіи русскаго права. Подлинныя мастера своего дѣла, они дѣлали его каждый на свой ладъ и потому въ выводахъ своихъ изысканій нерѣдко расходились. Этимъ расхожденіемъ опредѣлялись основныя и главныя контраверзы въ наукѣ исторіи русскаго права. Приступавшія къ ея разработкѣ новыя силы весьма часто обнаруживали свою научную физиономію тѣмъ, что примыкали къ той или другой сторонѣ и укрѣпляли ихъ позиціи контръ-форсами своихъ изслѣдованій. И до сихъ поръ еще по цѣлому ряду основныхъ вопросовъ исторіи русскаго права приходится считаться съ двумя руководящими мнѣніями — Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова.

Черты научно-идейнаго различія между Сергѣевичемъ и Владимірскаго-Будановымъ идутъ отъ западничества и славянофиль-

ства. Хотя самъ Владимірскаго-Будановъ однажды въ своемъ «Обзорѣ» упомянулъ о «блаженной памяти» этихъ двухъ школъ въ тонѣ, внушающемъ читателю мысль не только объ ихъ смерти, но и о полной выморочности, тѣмъ не менѣе извучестъ двухъ приснопамятныхъ направленій русской философской, научной и общественной мысли и продолженіе ихъ въ потомствѣ, съ неизбежными, само собою разумѣется, эволюціонными измѣненіями, сказываются на самомъ дѣлѣ весьма ясно и опредѣленно. Сказались они и въ научныхъ обликахъ Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, изъ которыхъ первый сложился въ преобладающемъ духѣ западничества, второй — славянофильства.

Слѣдуя движенію научной мысли западническаго теченія, Сергѣевичъ въ эпоху кризиса первоначальнаго для западничества идеалистическаго направленія примкнулъ къ позитивизму, исповѣдывалъ и проповѣдывалъ «задачу и методу» научнаго изслѣдованія на началахъ позитивной социологической методологіи О. Конта, истолкованной Дж.-Ст. Миллемъ, подвелъ выводы своего монументальнаго труда «Вѣче и князь» подъ принципъ солидарности и единообразія общественныхъ явленій, и въ строгомъ духѣ позитивной методологіи опредѣлялъ значеніе сравнительнаго метода для изученія «государства и права въ исторіи». Отъ философіи исторіи Гегеля, въ ея русскомъ западническомъ пониманіи, Сергѣевичъ унаслѣдовалъ мысль объ опредѣляющемъ, во всякомъ случаѣ о показательномъ для историческаго развитія значеніи юридическихъ формъ. Это наслѣдіе, съ одной стороны, приводило къ преобладанію въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ Сергѣевича статикъ надъ динамикой съ извѣстнымъ нарушеніемъ верховнаго для исторіи закона движенія, но зато, съ другой стороны, обеспечивало въ произведеніяхъ Сергѣевича тотъ конструктивный юридическій элементъ, который необходимъ у историка-юриста и отличаетъ исторію права отъ общей исторіи.

Владимірскаго-Будановъ въ своемъ ученіи о методѣ восходитъ къ исторической школѣ правовѣдѣнія и такимъ образомъ поддерживаетъ традицію стараго идеализма и теоріи спиритуалистической эволюціи, столь характерную для славянофильства. Правда, онъ осуждаетъ «крайности исторической школы», подъ которыми можно разумѣть и предвзятія славянофильскія историческія схемы, такъ какъ ихъ мы дѣйствительно не встрѣчаемъ въ его собственныхъ историческихъ построеніяхъ. Для избѣжанія крайностей исторической школы Владимірскаго-Будановъ рекомендуетъ историко-сравнительный методъ, при чемъ указываетъ, что при изученіи права національнаго главная цѣль историко-сравнительнаго изслѣдованія

заключается въ выводѣ не только сходствъ, но и различій, составляющих національныя особенности. Отнесеніе различій исключительно на счетъ національныхъ особенностей безъ упоминанія о различіи въ условіяхъ внѣшней среды явно свидѣтельствуетъ о томъ, что историко-сравнительный методъ воспринятъ Владимірскимъ-Будановымъ внѣ связи его съ общимъ ученіемъ позитивной методологіи. Въ собственномъ изложеніи исторіи русскаго національнаго права Владимірскаго-Буданова почти совсѣмъ не задается выводомъ сходствъ и преимущественно сосредоточивается на выводѣ различій, въ опредѣленіи которыхъ слышатся по временамъ отзвуки славянофильской самобытности. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, именно когда въ памятникахъ Московскаго права не съ достаточной ясностью изложеной какой-либо институтъ, Владимірскаго-Буданова приводитъ для уясненія права Московскаго государства аналогичныя постановленія литовско-русскаго права и такимъ образомъ строитъ сравнительныя юридическія конструпціи общерусскаго, обнимающаго Литовскую и Московскую Русь, національнаго права. Этотъ приемъ вполне аналогиченъ конструированію помощью сравнительнаго метода общенѣмецкаго права въ трудахъ германистовъ, воспитанныхъ на завѣтахъ исторической школы правовѣдѣнія. Спеціальныи юридически-конструктивный элементъ не выступаетъ въ видѣ завершения изслѣдованій Владимірскаго-Буданова по исторіи права. Построенія даются имъ болѣе въ общихъ культурно-историческихъ, чѣмъ специальныхъ историко-юридическихъ категорияхъ. Въ отдѣльныхъ частяхъ (напр., въ исторіи крестьянъ) Владимірскаго-Буданова выдвигаетъ на первый планъ социально-экономическую сторону историческаго процесса, но въ этомъ проявляется не новое теченіе позитивной социологіи, а продолженіе традиціи славянофильства, несомнѣнную заслугу котораго составляетъ противопоставленіе земскаго, т.-е. общественнаго, элемента въ исторіи элементу политическому и формально-юридическому, какъ-бымъ склонны были нерѣдко ограничиваться первые западники.

Научно-идейное различіе между Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ сказалось въ особенности приѣмозъ изученія и общаго освѣщенія отдѣльныхъ періодовъ исторіи русскаго права у того и у другого ученаго.

Древнее народоправство земскаго періода изображается у Сергѣевича на широкомъ фонѣ сравнительнаго изученія, не ограничивающагося предѣлами племеннаго происхожденія и исходящаго изъ принципа единообразія общественныхъ явленій, слагающихся подъ дѣйствіемъ одинаковыхъ причинъ. Ученіе о древнерусскомъ вѣчѣ Сергѣевичъ дополняетъ этюдомъ о первичныхъ народныхъ собраніяхъ

у германцевъ и грековъ. Для рельефной характеристики рабства по Русской Правдѣ Сергѣевичъ привлекаетъ сравнительный матеріалъ законодательства Гаммураби и древняго права евреевъ, магометанъ и германцевъ стиссительно того же института. Владимірскаго-Буданова изслѣдуетъ и освѣщаетъ земскій періодъ исторіи русскаго права въ предѣлахъ и въ тонахъ такъ называсмаго сравнительно-славянскаго направленія. Вѣчевой укладъ древнерусскихъ земель выясняется у Владимірскаго-Буданова генетически исключительно на почвѣ исконнаго народоправства славянъ, засвидѣствованнаго Проконіемъ и Маврикіемъ. Въ ученіи о древнерусскомъ рабствѣ Владимірскаго-Буданова, съ одной стороны, выходитъ за предѣлы славянства, когда допускаетъ по Русской Правдѣ признаніе у холоповъ *resolium*, но зато, съ другой стороны, не отмѣчаетъ никакого сходства «сѣминъ» съ *familia* и выводитъ какъ первоначальное положеніе холоповъ въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ, такъ и послѣдующее ограниченіе правъ господъ на холоповъ изъ «отпсительной національной мягкости славянскаго права вообще».

Въ построеніи Московскаго періода идейное различіе между Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ выразилось особенно ярко по вопросу о земскихъ соборахъ, являющемуся вообще проблемнымъ камнемъ въ исторіографіи Московскаго государства. Сергѣевичъ поставилъ земскіе соборы на одну доску съ французскими генеральными штатами и съ англійскимъ парламентомъ въ первый сто лѣтъ его существованія и уемстрѣлъ въ нихъ вторичную формацію участія народа во власти, занимающую середину между первичнымъ народоправствомъ вѣча и народнымъ представительствомъ въ составѣ верховной власти высшаго времени. Въ критическомъ отзывѣ по поводу изслѣдованія Сергѣевича о земскихъ соборахъ въ Московскомъ государствѣ Владимірскаго-Буданова замѣтилъ, что земскіе соборы характеризуются не однимъ только сходствомъ съ соотвѣтственными западно-европейскими учрежденіями, но и различіемъ съ ними. Въ собственной конструпціи земскихъ соборовъ Владимірскаго-Буданова на этомъ сходствѣ совершенно не останавливается и сосредоточиваетъ вниманіе только на различіи. Въ процессѣ возникновенія земскихъ соборовъ усматривается Владимірскимъ-Будановымъ подобіе сеймамъ Литовско-Русскаго государства; во всемъ же сетальномъ изложеніи не говорится ни слова о какомъ-либо сходствѣ земскихъ соборовъ съ словнымъ представительствомъ въ другихъ странахъ. Напротивъ того, различіе понимается столь глубоко и подчеркивается столь сильно, что, по мнѣнію Владимірскаго-Буданова, нельзя именовать соборы ни совѣщательными, ни законодательными учрежденіями,

т.-е., значить, нельзя примѣнять къ ихъ оцѣнкѣ ни одной изъ категорій, сложившихся въ теоріи государственнаго права путемъ сравнительно-историческаго изученія. «Земскіе соборы Московскаго государства», гласить окончательный выводъ Владимірскаго-Буданова, «указываютъ на тотъ же древній характеръ русскаго государственнаго права, который въ первомъ періодѣ обозначается терминомъ одиначества всѣхъ формъ власти». Изъ того же неконнаго одиначества выводятся и «права власти великаго князя и царя» въ Московскомъ государствѣ. «Власть великаго князя и царя», говоритъ Владимірскій-Будановъ, «именуется въ этомъ періодѣ самодержавіемъ, чѣмъ обозначается не только единичность ея, но и неограниченная полнота правъ. Эта черта власти коренится въ древнемъ стремленіи русскаго народа къ одиначеству съ властію, т.-е. въ предположеніи тождества воли верховной съ интересами населенія; въ первомъ періодѣ лишь Новгородское государственное устройство перешло къ законодательнымъ ограниченіямъ княжеской власти». Такое конструированіе московской государственной власти по принципу присущаго народному духу стремленія къ «одиначеству» находится несомнѣнно въ родственной преемственной связи съ ученіемъ славянофиловъ о самобытности политическаго уклада Московскаго государства и несовмѣрности его съ развитіемъ государственнаго устройства на Западѣ.

Существенной особенностью воззрѣній Владимірскаго-Буданова на періодъ имперіи представляется отнесеніе именно къ этому періоду образованія сословій. По данному вопросу Владимірскій-Будановъ сильно расходится съ Сергѣевичемъ, который, провозгласивъ раньше другихъ положеніе о томъ, что «древняя Россія не знала сословій», непосредственно вслѣдъ за этимъ заявилъ, что сословія—«это явленіе царской эпохи», и въ дальнѣйшемъ показалъ, что сословія «народились въ московскую эпоху». Въ самомъ образованіи сословій Владимірскій-Будановъ не прочь видѣть заимствованіе западно-европейской формы, и «подготовленіе сословныхъ порядковъ» началось, по его мнѣнію, «подъ сильнымъ вліяніемъ порядковъ Литовско-польскаго государства, съ которымъ во второй половинѣ XVII вѣка московскіе люди вошли въ ближайшія столкновенія».

Опредѣляющее для періода имперіи значеніе имѣетъ въ глазахъ Владимірскаго-Буданова реформаторскій характеръ закона. Эта точка зрѣнія напоминаетъ взглядъ К. Д. Кавелина, который въ своей схемѣ периодизаціи исторіи русскаго права выдвигалъ именно начало реформъ, какъ раздѣльную грань между послѣдовательными

и разнообразными стадіями господства государственныхъ началъ въ московскую эпоху (съ Іоанна III) и въ періодъ имперіи. Въ изложеніи періода имперіи у Владимірскаго-Буданова не нашло себѣ полнаго отраженія то установленіе органической связи между Петровской реформой и общественнымъ укладомъ Московской эпохи, которое началось съ С. М. Соловьева, особенно развивалось В. О. Ключевскимъ и подкрѣплялось изслѣдованіями П. Н. Миллюкова и позднѣе М. М. Богословскаго. При такомъ положеніи дѣла «новый реформаторскій характеръ» законовъ періода имперіи подлежитъ истолкованію преимущественно въ духѣ общаго утвержденія Владимірскаго-Буданова о томъ, что въ реформахъ Петра I. Екатерины II и Александра I практически отразилось европейское философское направленіе. Сказанное отнесется главнымъ образомъ къ государственному праву. Напротивъ того, въ гражданскомъ правѣ періода имперіи Владимірскій-Будановъ повсюду подчеркиваетъ преемственную генетическую связь съ московскимъ періодомъ и этимъ исправляетъ ошибку такихъ историковъ нашего права, какъ И. Е. Энгельманъ, по мнѣнію котораго законодательное творчество XVIII столѣтія въ области гражданскаго права шло «путемъ разсудка, а не опыта», и создавало нѣчто совершенно новое, не имѣвшее корней въ прошломъ. Особеннаго вниманія и признанія заслуживаетъ намѣчаемый Владимірскимъ-Будановымъ путь къ установленію органическаго происхожденія института раздѣльности имущества супруговъ, такъ какъ этотъ именно институтъ до сихъ поръ изображается цивилистами возникшимъ у насъ какъ-то случайно.

Возвращаясь къ параллели, которую мы проводили между Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ, слѣдуетъ въ заключеніе указать, что различіе между названными учеными проявляется не только въ научно-идейномъ отношеніи, но и относительно тѣхъ научно-техническихъ приемовъ, которыми они пользовались при толкованіи памятниковъ права и построеніи юридическихъ институтовъ древности.

Хотя Сергѣевичъ и подчеркивалъ, что «Русская Правда не Сводъ Законовъ», и что, слѣдовательно, надлежитъ приспособлять приемы толкованія къ особенностямъ казуальнаго творчества и конкретнаго выраженія юридической мысли древности, тѣмъ не менѣе онъ далеко не всегда самъ объ этомъ помнилъ и позволялъ себѣ дѣлать догматическія конструкціи на основаніи отдѣльныхъ выраженій древняго памятника права такъ, какъ будто бы это были точныя и отчеканенныя формулы уложеній нашего времени. Образчикомъ можетъ служить данная Сергѣевичемъ конструкція закупничества,

за исходную точку которой принято название *закупа* в одном мѣстѣ Русской Правды *наймитомъ*. Владимірій-Будановъ въ общемъ чуждъ подобныхъ *пріемовъ терминологическаго толкованія и формальной догматизаціи древнихъ юридическихъ текстовъ и основываетъ объясненіе послѣднихъ на матеріальномъ составѣ отраженныхъ въ нихъ бытовыхъ отношеній*. Не характернымъ показателемъ научно-техническихъ *пріемовъ Владимірскаго-Буданова*, а отступленіемъ отъ нихъ слѣдуетъ признать то общее и абстрактное истолкованіе несомнѣнно частнаго и конкретнаго смысла надписанія ст. 104 Карамзинскаго списка Русской Правды, которое находимъ и въ «Христоматіи», и въ «Обзорѣ», и на которомъ обосновывается тамъ конструкция нашего древняго наследственнаго права. Такъ какъ политическая и правовая жизнь древности опредѣляется главнымъ образомъ, можно даже сказать, почти исключительно юридическими обычаями и прецедентами, то историкамъ-юристамъ приходится конструировать изслѣдуемые институты преимущественно на основаніи данныхъ быта и практики, сопутствуемыхъ сознаніемъ ихъ необходимости. Сергѣевичъ далъ блестящій образецъ конструкции *обычноправового института вѣча*, но безъ достаточнаго къ тому основанія не примѣнилъ тѣхъ же конструктивныхъ *пріемовъ къ институту боярской думы и требовалъ для признанія послѣдней постояннымъ учрежденіемъ организаціонныхъ указовъ и чуть ли не учредительнаго акта, каковыхъ, само собою разумѣется, не было и быть не могло*. Владимірій-Будановъ изслѣдовалъ боярскую думу въ условіяхъ ея *обычноправового образованія и развитія и выяснилъ ея значеніе какъ одной изъ «стройственныхъ формъ верховной власти» нашей древности*.

Съ Леонтовичемъ у Владимірскаго-Буданова больше близости, чѣмъ расхожденія, въ научно-идейныхъ основахъ. Сближаетъ и, можно даже сказать, объединяетъ обоихъ ученыхъ и сравнительно-славянское направленіе въ изслѣдованіи древняго періода исторіи — русскаго права, и приверженность къ исторіи литовско-русскаго права. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи на обоихъ сказалось вліяніе пройденной ими *кіевской университетской школы, особенности которой примѣнительно къ исторіи права опредѣлялись съ достаточной ясностью уже въ трудахъ Н. Д. Иванішева, разрабатывавшаго и славянское право, и литовско-русское, и привлекавшаго и то, и другое для освѣщенія исторіи русскаго права*.

Подобно тому какъ Н. Г. Устряловъ провозглашалъ, что исторія Великаго Княжества Литовскаго имѣетъ равное право «на вниманіе бытописателя», какъ и судьба Московскаго государства, Леонтовичъ настаивалъ на «необходимости включить литовское законодатель-

ство въ кругъ исторіи русскаго права». Во имя этой необходимости Леонтовичъ посвятилъ большую часть своихъ силъ разработкѣ исторіи литовско-русскаго права и далъ въ этой области цѣлый рядъ изслѣдованій, составляющихъ наиболѣе видный по количеству и качеству отдѣлъ вышедшихъ изъ-подъ его пера историко-юридическихъ монографій. Выступивъ на научно-литературное поприще всего лишь пятью годами позже Леонтовича, Владимірій-Будановъ точно также дебютировалъ работой по исторіи литовско-русскаго права и въ дальнѣйшемъ удѣлялъ этой области наибольшее монографическое вниманіе. Въ университетскія чтенія по исторіи русскаго права Леонтовичъ неизмѣнно включалъ право литовско-русское, при чемъ въ иные годы излагалъ послѣднее съ такой же подробностью и обстоятельностью, какъ и право Московскаго государства. На долю пишущаго эти строки выпала счастливая удача прослушать на университетской скамьѣ одинъ изъ такихъ полныхъ курсовъ Леонтовича, о чемъ вспоминаю съ глубокой благодарностью ученика и благоговѣнно храню составленные по этому курсу литографированныя записки слушателей. Опредѣляя объемъ науки исторіи русскаго права, Владимірій-Будановъ неизмѣнно утверждалъ: «Необходимо включить въ составъ нашей науки исторію права литовско-русскаго, какъ связующее звено между древнимъ правомъ (перваго періода) и періодомъ имперіи». Въ «Обзорѣ» исторія литовско-русскаго права не вошла; авторъ не счелъ возможнымъ, какъ самъ объ этомъ заявляетъ, включить ее туда въ виду учебной цѣли изданія.

Начавъ свою научную дѣятельность съ сравнительно-славянскаго направленія въ духѣ исторической школы и гетельянства, Леонтовичъ постепенно и послѣдовательно эволюционировалъ въ сторону болѣе широкаго сравнительно-историческаго изученія и все большаго и большаго проникновенія началами позитивной социологической методологіи. На этомъ пути онъ перешелъ отъ самобытныхъ особенностей политико-правового уклада славянства къ арійскимъ основамъ общественнаго быта древнихъ славянъ и закончилъ развитіе своей *задружной теоріи тѣмъ, что перенесъ изслѣдованіе вопроса на экономическую почву и призналъ въ задругѣ форму кооперациі, свойственную первой стадіи общинной эпохи осѣдло-земледѣльческой культуры*. У Владимірскаго-Буданова не было аналогичной эволюціи методологическихъ воззрѣній, и въ этомъ проявляется нѣкоторое позднѣйшее расхожденіе двухъ ученыхъ, вышедшихъ изъ одной школы и въ общемъ удержавшихъ ея отличительныя особенности.

Общественная жизнь столь разнообразна и многогранна, что

не только допустимо, но и необходимо изучение ея съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Гносеологическій и методологическій плюрализмъ является поэтому въ наукахъ общественныхъ не только фактомъ, но и нормою. И въ наукѣ исторіи русскаго права такой плюрализмъ давно уже существуетъ и служитъ общему дѣлу исканія всеобъемлющаго синтеза. Тѣ стороны, къ которымъ подходилъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ изслѣдованіи предмета, и тотъ уголъ, подъ которымъ онъ его освѣщаль, не менѣе важны и цѣнны, чѣмъ другія стороны и иныя точки зрѣнія. Общимъ для всѣхъ возможныхъ направленій и безусловнымъ требованіемъ является то, чтобы научное изслѣдованіе велось съ единственною цѣлью объективнаго познанія и производилось надъ непосредственнымъ предметомъ изученія и строго методически. Въ этомъ отношеніи М. Ф. Владимірскій-Будановъ, воплощавшій въ своемъ лицѣ образъ истиннаго ученаго, стоитъ выше всякихъ похвалъ. Благородный металлъ приносилъ онъ въ сокровищницу знанія, и имя его навсегда останется въ наукѣ исторіи русскаго права среди главныхъ ея строителей.

Ө. Тарановскій.